
Пахнет щами в церкви новой,
Пахнет водкой, огурцом.
Столько лет была столовой,
А теперь – молельный дом.

Страстно молятся старухи,
Тихо в чреве алтаря.
Меж собой пивные духи
И святые говорят.

Я рукой к кресту притронусь,
Постою и помолчу,
От свечи перед иконой
И свою зажгу свечу.

И пускай здесь пахнет щами,
Лишь огонь бы не потух.
Будем жить, покуда с нами
Лица светлые старух.

Будем жить, пока Россия,
Хоть и нищая, жива.
Будем жить, пока есть силы
И не сникла голова.

Храмы мы еще построим,
Будут храмы на Руси.
Только как средь лжи и крови,
Как нам душу воскресить.

Что ж России так счастья не хочется!
О, страна снегов и дождей,
Бесконечного одиночества
От вранья уставших людей.

Покосились дома деревенские,
На полях березняк и бурьян.
От вина ли, от боли вселенской ли
Потускнели глаза россиян.

Брошен трактор в поле некошеном,
Раскричалось над ним воронье.
И готово от боли непрошеной
Разорваться сердце мое.

Но как будто от отупения
Говорю себе: «Ну и пусть...»
И надеюсь, что кто-то спасение
Ниспошлет на грешную Русь.

Я двух шагов не сделал на войне.
Все за меня отхожено отцом.
Он не был трусом, не был храбрецом,
Он просто был солдатом на войне.

Я двух шагов не сделал на войне...
За солнца свет, за нежную зарю,
За этот мир я тех благодарю,
Кто просто был солдатом на войне.

Пусть подарит Вам судьба удачу,
Пусть блестит на пальчике кольцо,
Пусть ребенок ясноглазый спрячет
На груди счастливое лицо.

Доброе участие знакомых,
С кем-то разделенная печаль
Никогда не заменяют дома,
Дома, где горит семьи очаг.

А иное – жизнь тому порукой, –
Не заменит света детских глаз,
Не заменит тоненькую руку,
Что с грядущим связывает нас.

Иногда достаточно и взгляда,
Лишь прикосновения руки,
И друг другу объяснять не надо,
Как мы удивительно близки.

И не надо нежности учиться,
От нее душа огнем горит.
Мы теряем головы, как птицы,
Как на токовище глухари.

Мы теряем головы и рады
Жизненным законам вопреки.
Иногда достаточно и взгляда,
И понятно,
Как же мы близки.

Прости, октябрь,
Но только не сравниться
Тебе с прекрасным чудом сентября.
В еловой чаще,
Как жар-птицы,
Березки стройные горят.
Листва прощается с дубравой,
Струится золотая грусть,
И мы, как будто к солнцу травы,
Душою тянемся к добру.
Забыв куда,
Забыв откуда,
Мы, восхищенные, бредем...
Прости октябрь,
Но это чудо
Смывается ты своим дождем.
Смывается с яростью неждешней,
Душою остываем мы,
И потому так ждем с надеждой
Снежинки первые зимы.

Нас балует зима,
Сама, наверно, рада,
Почти из ничего
Воздвигла красоту.

Струится тишина
Большого снегопада,
И слышно, как шуршат
Снежинки на лету.

По снежной целине
Прокладываю тропку,
И хочется идти,
Сквозь снегопад идти.

Навстречу снег летит,
Застенчивый и робкий,
Как добрый белый сон
По млечному пути.

Он бьется мне в лицо,
Как будто в окна птица,
Я чувствую ожег
Снежинок на руках.

Иду сквозь снегопад
И слышу, как струится
Мелодия зимы,
Прекрасна и легка.

Месяц – желтая подкова –
Между звезд проложит след.
Мне не вычеркнуть ни слова
Из моих прошедших лет.

Время душу обжигает,
Ветер мысли бередит!
Я прекрасно понимаю –
Пройден жизненный зенит.

Мне смотреть – не насмотреться:
Месяц, звезды, облака...
Но все чаще ближе к сердцу
Жметя правая рука.

И откуда-то – не знаю –
Просто слезы на глазах...
А секунды утекают,
Как и сотни лет назад.

Василевский Икар

Поэма

По-чкаловски

По-чкаловски – и удаль, и отвага,
Сухой расчет, и твердая рука.
Слова легко ложатся на бумагу
О подвиге героя – земляка.

Он стал легендой – василевский парень,
За ширь души любила вся страна.
По-чкаловски из космоса Гагарин
Апрельским утром улыбнулся нам.

Американцам стали мы понятней –
Не всем летать наперекор судьбе.
По-чкаловски раскрыл свои объятия
Ванкувер покорителям небес.

По-чкаловски, увы, не все умеют –
Непросто оторваться от земли.
По-чкаловски работал Алексеев,
Когда на крылья ставил корабли.

По-чкаловски опять мечтают дети,
А время раздвигает рубежи.
Дай бог и нам любить и жить на свете
По-чкаловски, как он, любил и жил.

Маяк отважных

Есть на Волге маяк отважных,
Он для тех, кого небо зовет.

И ему поклониться каждый
Приезжает, готовясь в полет.

Смотрит в Волгу и в небо с откоса
Небольшой приземистый дом,
И, как всюду в России, березы
Тихо шепчутся под окном.

Это место известно стало
На просторах великой Руси.
Здесь родился Валерий Чкалов –
Нашей Родины верный сын.

Сын

– Эх, канальский,
Спасибо, Ариша,
Подарила нам молодца.
Пусть растет боевым парнишка.
Глянь, родная,
Ну весь в отца!

Назовем Валерьяном, Волькой.
Ты послушай:
Басисто орет.
Гордым соколом, птицей вольной
Пусть по нашей земле идет.

Что ж, Валерий Павлович Чкалов,
Дедов, прадедов не позорь:
Ведь они до тебя бывало
Не одну натрудили мозоль.

Не порушится чкаловский корень.
Вот оно - продолжение отца!
Ну, давай, расти попроворней
Большелобый ты наш пацан.

Сорванец

– Слушай, Павел, прости ради бога,
Умолчать я никак не мог,
Приструни своего немного –
Хулиганом растет сынок.

Ведь уже на матушке Волге
Знают все твоего сорванца.
Ну скажи мне, Павел, как долго
Будет он позорить отца.

Это ж надо: ныряет под баржи
С верхней палубы прыгает вниз.
Слишком он у тебя отважный,
Ты его давай, приструни.

Пусть займется каким-нибудь делом
Ты прости, не сказать не мог.
Знаешь, это уже не смелость –
Хулиганом растет сынок...

Только время судило иначе,
Время все объяснить смогло –
Стал великим летчиком мальчик,
На весь мир прославив село.

Прощание

– Волька, Волька!
Послушай отца.
Ну чего тебя в небо манит.
Хочешь воли – седлай жеребца
Ветер струны души натянет.

В самолете – не на барже.
Ну за что там держаться будешь
Вон сосед котельщик уже,
Хоть и молод, а вышел в люди.

Ни за что полетит башка,
Не езжай, не томи нам душу.
Чай прокормит Волга-река.
Волька, Волька, отца послушай.
Нет, не мед в чужой стороне.
Здесь невесту нашли тебе бы...

– Нет, отец, не сдержаться мне,
Не могу, так и тянет в небо.
Голова - везде голова,
Ей и здесь полететь недолго.

Так и вижу в руках штурвал,
Неба синь, как просторы Волги.

Ну, прощай!
Чемодан готов...
Пиджачишко накинул старый.
Без оркестра и без цветов
Провожало село Икара.

Через полюс

Утро летнее брызнуло синью,
Над землею солнце взошло.
Три героя, три сына России
Поднимаются на крыло.

Краснокрылая вздрогнула птица,
Застучало сердце – мотор.
Лишь герои могли решиться
Покорять ледовый простор.

- Все. Летим!
Командир, доволен?
Вот оно – воплощенье мечты!
Под крылом будет Северный полюс,
Поглядим на него с высоты.

- Да, Георгий,
Конечно, доволен.
Знаю, будет нам нелегко,
Но проложим маршрут через полюс –
Нет преград для большевиков.

Замолчал,
Улыбнулся чему-то,
Крепче сжал руками штурвал.
Вспомнил близкие сердцу минуты,
Дорогие сердцу слова.
Дом отцовский, Волги просторы,
Вспомнил самый первый полет,
И слова вождя, от которых
И сейчас волнение берет.

Он сказал,
Улыбнувшись, как сыну,
И ладонью слова рубя:
- Ваша жизнь дороже машины,
Берегите, Чкалов, себя...

Пусть циклоны, туманы, ветры,
Пусть кончается кислород...
Ждет с победой страна Советов,
Ты лети, краснокрылый, вперед!

Герои

Толпа свистела и кричала,
От шума кругом голова
И выговаривать пыталась
По-русски новые слова.

«АНТ-25», «герои», «Чкалов»,
«Россия», «полюс», «перелет».
Толпа впервые увидела
Вот этот русский самолет.

На этой птице краснокрылой
Как эти трое, как смогли?
Вот этим русским покорилась
Макушка холода Земли.

Их ас, их летчик первоклассный,
Пытался, но, увы, не смог.
А эти проложили трассу
Среди неведомых дорог...

Толпа свистела и кричала,
Несла героев на руках.
Америка рукоплескала
Простым российским мужикам.

Горе

Даже Кремль умолк в печали.
Вот она, пришла беда.
Хмур и строг товарищ Сталин
С Мавзолея смотрит вдаль.

Небо быть умеет серым,
Ну а зимний день седым.
На земле быть трудно первым,
Как он нами был любим!

Катафалк цветами убран.
Как любил он вас, цветы!..
Как любил росистым утром
Говорить с Землей на «ты»!..

Вот и все слова сказали,
И салют прощальный дан...
Хмур и строг товарищ Сталин
С Мавзолея смотрит вдаль.

А над площадью над Красной
Краснокрылы и легки
Так по-чкаловски отважно
Небо режут «ястребки».

Чкаловский тост

Байдукнем по чкалику белячка,
Эликсиром наполним душу,
И судьба, как штурвал в руках,
Будет нашей воле послушна.

Знаменитый Чкаловский тост
Не сумели состарить годы.
Кто душою коснулся звезд,
Остается в душе народа.

Зачерпнула пригоршню Русь,
Все отмерила полной мерой,
Подарила и удаль и грусть,
И стремленье во всем быть первым...

Байдукнем по чкалику белячка –
Виски с содовой не для русских.
А над полюсом – облака,
И в безмолвии белом пусто.

Кто-то, может, скажет опять:
-Что такого свершили трое?

Тот, кто видел АНТ-25,
Тот поймет, почему герои.
Почему Америка так
Восхищенно вскинула флаги.
Нас не надо учить мечтать.
И не нам занимать отваги.

А судьбу удержать в руках
Есть пока и воля и сила.
Байдукнем по чкалику белячка,
Байдукнем по чкалику за Россию.

На приколе

«АНТ-25» задумчив и уныл,
Стоит печальный на приколе.
Ему бы воздуха, ему бы воли,
Вокруг бы шарика,
А дальше – до Луны.

Обвисли крылья - хоть взлететь бы раз,
Мотором погреметь на всю округу.
И успокоиться, услышав голос друга,
Знакомый окающий бас.

Такие сны он видит по ночам:
То остров Удд, то полюс, то Ванкувер.
Он помнит, как Америка, ликуя,
Несла его героев на плечах.

Укрылся «И-16» под крылом,
Хоть маленький – не меньше знаменитый,
Какие он выделявал кульбиты
По-чкаловски в просторе голубом.

«АНТ-25» стоит за годом год,
Стоит печальный на приколе.
Ему бы воздуха, ему бы воли...
Как жаль,
Что Чкалов больше не придет.

У памятника В.П. Чкалову

С пьедестала красивый и сильный
Засмотрелся в небесную синь

Смелый летчик, любимец России,
Нашей Родины верный сын.

Он ушел молодым навечно.
Не представить его стариком:
Коренастый, широкоплечий,
С круглым окающим говорком.

Жаль, судьба отвела немного,
На земле он не все сказал,
И уходит в небо дорога,
Словно взлетная полоса.

Он мечтал:
Облететь бы шарик,
Посмотреть, какова Земля.
За него улыбнулся Гагарин
Из космического корабля...

С пьедестала красивый и сильный
Засмотрелся в небесную синь
Смелый летчик, любимец России,
Нашей Родины верный сын.

И, вершины в небо нацелив,
Как космические корабли,
Голубые застыли ели
У подножия сыну Земли.